

Сергей Анатольевич Иванов

Зимняя девочка

Неслышимый звон

Проснешься — и не знаешь: то ли еще ночь, то ли уже утро, — так бывает поздней осенью. Таня лежала в крошечной темноте и смотрела туда, где было окно, сейчас почти неотличимое от стен.

Незаметно для себя она к чему-то прислушивалась, что-то надеялась услышать — какой-то тихий звон, что ли?.. И наконец услышала его. И почувствовала себя легкой-легкой... «Сейчас выскользну из-под одеяла, к форточке подплыву, и...»

И тут поняла, почему такой легкой кажется себе, и почему может слышать тихий звон, какого никогда и нигде не бывает, и почему ветер, что шевелит занавеску, так прохладен и чист, как в большом городе случается один раз за все триста шестьдесят пять ночей. Дело было в том, что несколько минут назад на Москву стал падать первый в этом году снег.

Не в силах больше пролежать и секунды, Таня встала, открыла балконную дверь, босыми ногами ступила на каменный пол, на воздушный, толщиной в две снежинки, белый коврик. Обняла плечи руками и стояла так — в одной только ситцевой ночной рубашке.

Снег летел реденький, несмелый. Тихо дышащий ветер поддувал его в Танину сторону. И было так хорошо кругом, так тихо, так свободно и честно! Все, кто не спал, слушали и ловили с Таней этот снег: деревья, молчаливые сейчас дома, легковой автомобиль, голос которого донесся с какой-то далекой улицы...

— Танечка!

В темноте Таня увидела бледную фигуру.

— Я же не простужусь, бабушка, — сказала она тихо.

— Да я знаю, — ответила почти невидимая бабушка. — Боязно мне... Закрой, пожалуйста, дует очень.

Полжизни тому назад

Таня сама не знала, почему она так любила холод. В ванной всегда открывала самую ледяную воду. Бабушка говорила:

— Ты у меня оттого и такая худенькая.

А Таня что ей могла ответить? Только плечами пожать да улыбнуться.

И со снегом у нее были особые отношения. Если по радио объявят: «Местами снег», то можно спорить, что у Таниного дома он будет обязательно. Снеговая туча все московское небо переплывет из конца в конец, а над их улицей встанет на дыбы, как кузов самосвала... Это могло бы считаться сказкой, если б не было правдой.

Снег, лежащий на земле, Таня жалела, как многие жалеют палую листву. А радовалась она снегу летящему! Казалось ей, когда метель тебе навстречу, когда ветер, наполненный снежинками, то можно и полететь. Но не по-птичьи, а как бы поплыть... Вы во сне летали? Значит, поймете, на что это было похоже. Только Таня никогда не могла решиться. Вроде бы чего тут решаться-то? Подпрыгни, и все. Вот и ветер подходящий... Но вдруг да правда полетишь?..

Однажды в первый снег с Таней случилось самое страшное, что только случалось с ней в жизни. И самое счастливое. Да, так вот странно слилось.

Это было давно — больше полжизни назад: сейчас Тане семь, а в то ноябрьское утро было три.

И она почти не помнит тот свой страх. И помнить не хочет! Но и не может забыть... Как она бежит сквозь снег в одном платице белом. И белые волосы путаются на ветру.

Да, вот представьте себе: по скверу с угольными, застывшими на холоде деревьями в реке летящего снега бежит девочка. Глаза ей застыли слезы. Что она бежит — куда или от кого, — она не знает. Но ей отчего-то страшно, и потому кажется, что она потерялась.

— Бабушка! — кричит она. — Бабушка-а!

И вдруг какая-то пожилая женщина, которая шла по скверу, грустно улетая мыслями далеко в другой город, далеко в другой год... Вдруг эта женщина испуганно обернулась: — Таня!

И подхватила девочку — почти уже падающую. Как только могла скоро, побежала домой — хорошо, близко жила.

А прохожие оглядывались на эту очень странную пожилую женщину с очень странной маленькой девочкой на руках:

— Да разве можно так выпускать ребенка?.. И родители хороши: оставлять девочку на какую-то сумасшедшую старуху!

И дальше все в том же роде.

А женщина в ответ лишь повторяла:

— Извините, извините...

Потому что ведь прохожие-то были правы... И в то же время совсем не правы: женщина впервые в жизни видела эту девочку. И вовсе не знала, что ее зовут Таня. Имя это просто вырвалось случайно. Она очень хотела иметь дочь. И назвать ее именно Таней. Но какая уж там дочь в ее возрасте, с ее одиночеством. Судьба поступает далеко не всегда так, как нам хотелось бы, — в этом, к сожалению, вы сами еще не раз убедитесь.

Сейчас женщина ни на что не надеялась в своей жизни. И когда она подхватила на руки бегущую девочку, она тоже, конечно, ни на что не надеялась. Лишь нечаянно выкрикнула: «Таня!»

Она принесла девочку домой — как же оставишь ребенка в одном платьице да на холоде? И стала немедленно писать объявления, что нашлась девочка с такими-то и такими-то приметам...

— Тебя как зовут?

— Меня?.. Да ведь Таня же!

Несколько мгновений женщина смотрела на нее сама не своя... Знаете, так бывает во сне: все очень похоже на обычную жизнь, а потом раз — и проснешься...

Однако девочка сидела напротив и не спеша ела апельсин.

Страница 2 из 13

— Ты чья, Танечка?

— Твоя.

«Ну что взять с трехлетнего ребенка? Еще скажи спасибо, что не плачет...» — Так она себе говорила, а сердце билось, билось!

Однако взяла листки объявлений, клей, кисточку, поплотнее прикрыла дверь на кухню, чтобы, не дай бог, маленькая Таня не открыла газ.

Она клеила объявления на стенках и деревьях — где позаметней. А последний листок, так получилось, она приклеила на дверях отделения милиции... Потом отыскала кабинет участкового своего, Валерия Сидоровича Винокурова. А тот, человек ко всему привыкший, хорошо, говорит, постараемся обнаружить родителей.

Прошла неделя, потом месяц. Девочку никто не искал! И она давно уже звала нашедшую ее женщину бабушкой. А для бабушки (давайте и мы теперь будем так ее называть) каждый новый день становился все большей мукой: ведь когда-нибудь, но должны были объявиться Танины родные!

И вот однажды утром действительно раздался звонок — Валерий Сидорович Винокуров!

Он вошел... Он, кстати, был человек такой очень обстоятельный. Вытер ноги, подождал, пока нос и щеки оттают с мороза.

— Нашлись? — спросила бабушка.

Не спеша капитан Винокуров развел руками. И это могло значить что угодно. Бабушка от муки и волнения заплакала.

— Да вы не плачьте, — сказал Винокуров задумчиво, — мы ее заберем. Определим, как положено, в детский дом...

Дальше не стоит рассказывать. Бабушка принялась хлопотать, и ей разрешили удочерить Таню. Вообще это дело довольно долгое: кому попало ребенка ведь не дадут! Но тут все сладилось удивительно быстро. Словно кто помогал! И они зажили — внучка и

бабушка. Тогда-то и записали Таню, как трехлетнюю. А по правде никто не знал, сколько ей лет, неизвестно откуда явившемуся найденышу.

Пеструха

К середине дня первый в этом году снег перестал. Но не растаял! Праздничными ленточками бежал по карнизам домов. А на крышах лежал целыми полянами. И машины гоняли по городу в снежных тубетейках. Да, снег умирать не собирался. Но Таня чувствовала всем сердцем: растает он, пропадет в черных лужах. И любила его за это особенно сильно — потому что жалела.

Ее послали за хлебом. День клонился к закату, небо над Москвой розовело. И в то же время на самой своей глубине оно оставалось голубым и зимним — родным. Таня шла запрокинув голову. Редкие прохожие были добры и не толкали ее.

Итак, взглядом и всею душой Таня жила на небесах... Вдруг с ней поздоровались — непонятным таким, хрипловатым голосом:
— Приветик!

Женщина в пенсне, толстый спортсмен с новенькими горными лыжами на плече... Таня посмотрела на них... Но слишком хорошо она знала, кто с нею поздоровался: возле булочной стояла собака, привязанная к водосточной трубе.

Они были старые знакомые. Таня когда-то звала ее Огонек. Собака была очень хорошая, лохматенькая, послушная, пестрая — белая с черным... Почему же тогда Огонек? А у нее сквозь густую шерсть виднелись не то черные, не то коричневые, но очень блестящие глаза. Таня и подумала: как огоньки. И получилось собачье имя.

Собака появилась у них во дворе в прошлом году. Пришла и стала жить. Наверное, потерялась. Или ее выгнали какие-нибудь люди.

Но даже пусть и собаке, а зимовать на улице холодно. А у Тани в подъезде как раз была не заперта подвальная дверь. Таня туда нанесла тряпья, подыскала старый матрасик... Вещи хотя и с помойки, но они все были чистые: кто-то вынес их только что! А что она могла еще сделать? Домой?.. Плохо вы знаете Танину бабушку.

«Еще чего! — скажет. — Собаку бездомную! А если у нее лишаи?»

Так она устроила Огоньку жилище. Но скоро про это узнали с первого этажа... Им собака, видите ли, лает. А когда целый день телевизор на полную катушку — это для вас ничего?!

Пришлось отдать Огонька одному мальчику, которого не ругали за животных... А потом Таня вдруг услышала, что он называет собачку... Пеструхой.

Сперва так обидно стало. Но мальчик этот, Вадим, ей объяснил, что бывший Огонек не собак, а собака — собачья то есть девочка. Да еще и вся такая пестрая!

И вот теперь она сказала Тане:
— Приветик!

А Таня не любила таких вещей — не любила выделяться! И хотя она знала, конечно, что собаки разговаривают — да, знала! — но старалась не обращать внимания: ведь обычно люди об этом даже не подозревают. И она решила сделать вид, что никакого «приветика» не было: просто, мол, послышалось, да и все.

— Радуюсь? — спросила собака, не обращая внимания на то, что Таня никак ей не ответила. — Снег, да?.. Хорошо тебе?

Просто удивительно разговорчивая попала собака.

— А я не радуюсь, — продолжала Пеструха, — холодно будет... А тебе? Не будет, что ли, холодно? — Голос у нее был словно бы немного ворчливый. Но в то же время не злой.

— Мне, когда зима, даже лучше, — сказала Таня. — Я холод люблю...

Все! Впервые в жизни она призналась, что умеет разговаривать по-собачьи. Пеструха в это время спокойно выгнала блоху с правого бока.

— А я и смотрю — какая-то ты не такая девочка...

— Какая? — спросила Таня.

— Не знаю. — Собака вильнула хвостом.

Вадим

Их разговор прекратился очень вовремя — из булочной вышел Вадим, Пеструхин хозяин и Танин, между прочим, бывший вожатый. Теперь он был просто ее знакомый, хотя Таня училась лишь во втором классе, а он уже в шестом. Но все дело было в собаке: когда вместе выручаешь из беды собаку, подружиться нетрудно.

Едва Вадим увидел своего октябренка, сразу на лице его проступило выражение, что, мол, все я, девочка, про тебя знаю. Он часто так смотрел на людей — уверенными и насмешливыми глазами. И, по-честному говоря, он вряд ли кого-то сильно любил или сильно жалел — у себя в классе, или даже во всей школе, или даже в огромном городе Москве... Да, он был такой: веселый, но малость равнодушный.

А зато он любил животных. И хотя не мог, конечно, с ними разговаривать, но очень их хорошо понимал. Не раз бывало: Таня и Вадим идут по улице, вдруг он остановится:
— Смотри, бездомная...

Он всегда замечал бездомных собак, И кошек с котятами, что живут по случайным дырам. Он шел к вороне с раненым крылом, которая отбивалась от всех, как прижатый к мачте пират. Потом слизывал кровь с расклеванных пальцев. А через какое-то время отпуская ожившую ворону на свободу.

Причем Вадим не был таким уж доктором Айболитом: животные не очень к нему льнули. Он просто делал для них то, что считал нужным. И не добрал от дружбы со зверьем, как об этом часто пишут в книжках. Да он и не дружил с ними.

Таня никогда не могла понять, почему он их спасает...

Вадим увидел надутую северным ветром Танину сумку:
— Не ходи. Здесь свежего хлеба нету.

По правде говоря, они с бабушкой за мягким хлебом особенно не гоняются. Но разве плохо пройти по улице с шестиклассником? И разве плохо пройти, держа на поводке такую милую собачку, как Пеструха?

— Да отпусти ее, — сказал Вадим. — Не убежит.

— Да отпусти меня, — почти одновременно сказала Пеструха.

Собака не понимала человеческих слов, а Вадим не понимал собачьих... «А я понимаю все», — подумала Таня. Но без радости. Скорее со страхом.

Отпущенная, Пеструха сейчас же побежала вперед — по манере всех собак. Что-то там вынюхивая и бормоча про себя.

Вдруг Вадим остановился перед незнакомой дверью:

— Мы сейчас заскочим в один дом... (Честное слово, в голосе его слышалась растерянность.) Ты мне понадобишься там.

Подбежала Пеструха, с явным презрением обнюхала порог, сделала крохотную лужицу, сказала, ни к кому, собственно, не обращаясь:

— Не люблю я сюда ходить... Там кошка, сволочь, всем распоряжается!

— Здесь живет тип, — наконец сказал Вадим, — которого мы должны облапошить.

— Зачем?

— Он книгу украл... у меня.

— А почему обманывать?

— Ну... — Вадим прикинул, что бы сказать. — Тебе не все равно? Мне так надо! — И усмехнулся. Он опять «видел все насквозь» и знал, что Таня готова помогать ему почти в каком угодно деле. — Ты его задури!

— Что?

— Ну, загнипнотизируй в смысле... Как в тот раз, помнишь, когда я тебя засек?

Таня испуганно промолчала...

В сентябре второму «В» задали приготовить устное изложение по сказке «Цветик-семицветик». А там, если вы помните, девочка попадает на Северный полюс. Ну и, само собой, все сказали: «Во, не дай бог там оказаться — на льдине да среди медведей!»

Тане обидно стало: за бескрайний снег, за прозрачно-зеленые, ни на что не похожие горы, которые, кажется, на что-то все-таки похожи. И стало обидно ей за солнце, которое смотрит на северный мир печальными раскосыми глазами и что-то хочет сказать — и не может... А под белым снегом, под чугунной корой льда задумчиво плывут в черной воде рыбы. И можно было увидеть глубже, еще глубже... Только очень страшно туда

заглядывать, в самую черноту, где на мертвой и мягчайшей подушке донного ила что-то лежит. Но что?.. Таня не стала рассматривать, а бросилась наверх, в белые просторы, освещенные низким и тяжелым солнцем, так что верхушки зеленых ледяных гор подожжены и сверкают...

Это она стала вдруг рассказывать второму «В». Нет, не рассказывать даже, она как будто им рисовала картину... Шла большая перемена, но никто не уходил из класса. Все смотрели на Таню, как околдованные: «Откуда знаешь?» А она стояла — сама растерянная, испуганная. И вдруг брякнуло — будто ненавистный будильник среди сна про каникулы.

— Дураки! Такое кино есть. Показывали по «Клубу путешественников»! — Это был Вадим...

Теперь насмешливым взглядом он «просветил» ее всю насквозь: — Сделаешь?

Таня ничего не смогла ответить, лишь опустила глаза.

— Сделаешь!

Гришка

А Пеструха-то была не права: кошка оказалась отличная. С хорошим (но, конечно, по-кошачьему хорошим) характером. Рост и мускулатура давали ей возможность совсем не бояться собак Пеструшкиного сорта. Однако она не стала, как теперь делается у многих кошек, доказывать свою силу, а, соблюдая законы, оставшиеся еще от древних, скакнула на стол и принялась оттуда шипеть, якобы полная злобы, страха и презрения.

Пеструха, как и все собаки, была более доброй и куда более преданной, чем эта кошка. Только у нее не хватало тонкости, как сказала бы Танина бабушка. Но ведь это вообще всем собакам, по сравнению со всеми кошками, не хватает «тонкости». Кошкино шипение со стола Пеструха приняла за настоящую победу. Она звонко лаяла, словно произносила речь на митинге в честь освобождения данной квартиры от кошачьего ига, а потом стала подлизывать остатки молока из кошачьего блюдца... Ей было невкусно, и она сегодня уже дважды плотно пожрала, и она вообще не любила молоко. Но победитель должен вести себя как победитель!

Страница 4 из 13

Тане забавно было смотреть на кошку и Пеструху, и поэтому сперва она вообще как бы не заметила хозяина. Его звали Гриша, и он был хуже своей кошки: она точно знала, кто такая и как себя надо вести, а Гриша суетился все, суетился... Было похоже, он в своей жизни не одну эту книгу стащил. И вообще, быть может, воровал не только книги.

В то же время он старался, чтоб про него думали как можно лучше. Он двигался по комнате прыжками и короткими перебежками, чтобы незаметнее затолкать под тахту драные домашние тапочки, смахнуть со стула какие-то не очень спортивные трусы. А попутно он прятал от чужих глаз что-то ценное, задвигал какие-то ящички... Лет ему было — между Таней и Вадимом, то есть класс примерно четвертый...

«А чегой-то я такая умная? — подумала Таня. — Чегой-то я за всеми подсматриваю?..» Она последнее время стала замечать за собой такое: сидит где-нибудь в углу и наблюдает. Причем не как равнодушная ротозейка: ей интересно, она переживает. А в то же время она будто сидит на просмотре учебного фильма... «Учебного? Чему же я сейчас учусь?»

Вадим в это время просто ждал, когда Гришка прекратит свои прыжки. А тот, сколько мог, оттягивал надвигающийся разговор. Он не знал, зачем пришли Таня и Вадим, но, как всякий нечестный человек, боялся заранее: «Вдруг я уже в чем-нибудь виноват?»

Наконец Вадиму эти пряталки надоели.

— Слушай, ты, — сказал он без единой капли приветливости. — Это Танька. У нее дефицитная книга. Может с тобой поменяться.

Гришка замер на полупрыжке — опасность миновала: пришли по делу, в нем нуждаются. И он сразу стал другим человеком:

— Что за книга?

— А я не знаю. Она без обложки.

— Что?! Фома, ты с ума? — И засмеялся своей выдающейся шутке... (А дело в том, что Вадимова фамилия была Фомин.)

Но и Гришка, конечно, понимал, что Вадим не такой дурак — предлагать для обмена простую драную книгу. Ясно: здесь что-то не того. Поэтому он выжидательно прищурился... Тогда Вадим повернулся к Тане, которая понимала, что сейчас начнется ее роль, и волновалась.

— Давай рассказывай. — Вадим пристально посмотрел на нее. — Про Северный полюс. — Он-то совершенно не волновался. Ему это просто надо было.

На диване среди торосов

И тут словно кто-то подтолкнул Таню, и она, как в пропасть, упала в свой рассказ. Сперва она увидела то, что уже видела в прошлый раз, — низкое выпуклое солнце над ледяными и снежными горами, полями, полянами. И это было не кино, не фантазия. Это все она когда-то видела своими глазами.

Таня ехала куда-то... Ехала? На чем же? Странно сказать, но, честное слово, она ехала на диване, покрытом пушистым толстым пледом или ковриком. Диван двигался не спеша, мягко качаясь и переваливаясь. При этом он двигался удивительно упорно, все время вперед, без единой остановки, без секундного отдыха. Таня сидела свесив ноги... Только спинки у него не было, у этого дивана.

Так она ехала сколько-то времени. Вдруг диван оглянулся, изобразил улыбку, и Таня увидела наконец, что это же белый медведь! У него была морда немного насмешливая, и немного наглая, и еще плюс к тому немного курносая. И он вез Таню без всякого, самого малейшего труда. И почему-то было понятно: если медведь ее, упаси боже, уронит или заденет о ледяную глыбу, мимо которых они двигались, ему сильно кое от кого влетит. Но от кого, Таня пока не знала и догадаться не могла.

И тут она заметила, что едет в одном лишь коротеньком белом платье! Почему-то она помнила это платье. Но почему — вылетело из головы... И вот сейчас, из Гришкиной комнаты, глядя на себя ту, в коротком платье среди снегов, она с тоской подумала — как вспомнила, — что ей совсем не было холодно, что она опять не похожа на других, опять не такая...

Этот страх Таня затаила в сердце — надо было смотреть, что там дальше произойдет с тою Таней, которая сидела на белом медведе... Солнце опустилось еще немного — ярче подожгло верхушки зеленовато-прозрачных гор.

— Он за тюленем. — Медведь мотнул башкой куда-то вперед. — За тюленем.

И тогда вдруг Таня увидела, что впереди действительно стоит ледяная глыба, похожая на тюленя. Тут ей и открылся секрет этих гор и глыб. Они все были на кого-то похожи: на моржей, на медведей, на тюленей, на рыб. А может, наоборот: северные рыбы и звери взяли себе такие тела, как у ледяных гор, вылизанных волнами и вьюгами.

А за ледяным тюленем стоял ее дед! Сейчас, глядя это «кино», Таня поняла, что совершенно забыла своего деда. Но и помнила его!

Она смотрела и удивлялась его полупрозрачной, как бы стеклянной бороде, его серебристой старинной одежде. «Как же называется она? — подумала Таня. — А... кафтан!» И удивлялась дедовским рукам: они были живыми, они двигались и одновременно были тоже полупрозрачными, как его борода...

Взгляд солнца легко проходил сквозь Таниного деда, не оставляя тени.

«Кто же я такая, — подумала Таня со страхом, — кто же я, если это мой дед?..» И продолжала смотреть на себя — ту, которую вез медведь...

Дед поднял ее на руки — легко, словно совсем невесомую, и Таня сразу вспомнила, какой он сильный. Медведь стоял, ожидая его слова.

Страница 5 из 13

— Ну? — спросил дед. — Отвезешь нас туда?

— Боюсь, — ответил медведь.

И Таня поняла, что бояться — для медведей совсем не стыдно, не то что для людей. Для медведя «боюсь» — то же, что для человека, например, «хочу поесть».

— Вы невидимы, — сказал медведь, — а я — боюсь!

Дед помолчал немного.

— Ладно, отпущен. — И пошел прочь куда-то с Таней на руках.

А медведь остался стоять, словно чем-то обиженный и в чем-то виноватый... Они шли

довольно долго. Сколько? Таня сейчас не могла вспомнить. Вдруг дед легко взошел на вершину ледяной горы и остановился.

Таня с удивлением увидела дом, и людей около дома, и флаг на мачте. Вернее, это она теперь знала, что там за люди, дом, флаг, мачта. И понимала, что все это зимовка. Но Таня, которую она, теперешняя, видела на руках у деда, ничего не знала и, прижавшись к ледовой груди, вся дрожала, как дрожат от холода. Все, что было там, на ледяной поляне среди... А! Вспомнила слово: «торосы»!.. Все, что было на ледяной поляне среди торосов, это все было ей неприятно, страшно. Она — теперешняя — не могла понять, откуда были тот страх и неприязнь. Но они были!

— Дрожишь? — Дед как-то странно и внимательно посмотрел на нее. — Ну вот, значит, я правильно задумал.

— Что?

— После узнаешь... Медведю-то их можно бояться...

— А

мне?

— А тебе их надо любить.

В тишине

Она опять увидела себя в Тришкиной комнате. А та северная картина распадалась прямо на глазах, таяла, словно была сном: думаешь, запомню на всю жизнь, а попробуй-ка вспомни через полчаса — ничего не увидишь в душе, будто на экране погасшего телевизора.

— А дальше? — тихо спросил Гришка. — Дальше что?!

Таня молчала. Что-то мешало ей говорить. Или кто-то мешал...

— Ты же в нашей школе учишься, да? Тебя как зовут?

— Это ты в нашей школе учишься! — усмехнулся стоящий в дверях Вадим.

Таня уверена была: он только что вошел сюда. И поняла: «Вот кто меня перебил».

Гришка не обиделся на Вадима. Вообще не посмотрел на него. Вся его суета ушла. Он сидел на стуле, словно пианист перед невидимым роялем — сосредоточенный, готовый через секунду заиграть.

Кошка и собака, забыв ссориться, смотрели на Таню — внимательно, не мигая, как умеют смотреть только звери.

Трудный вечер

Прошло несколько дней, и Таня наконец поняла: больше она не вытерпит... Кстати, зря вообще терпела — бабушка заметила сразу, заволновалась:

— Ты здорова? — Тронула губами лоб. Эх, надо бы этот разговор начинать понезаметней, мол, просто к слову пришлось. Но уже не могла удержаться:

— Бабушк, а где наш дед?

Несколько мгновений бабушка не могла побороть испуг и почему-то жалость, которые проступили на ее лице. Потом открыла нижнюю дверцу книжного шкафа — она была не стеклянная, а из деревяшки, и, значит, в том отделении всегда было темно.

Бабушка вынула большой альбом в зеленом бархатном переплете. Таня сразу поняла: там семейные фотографии! Такие альбомы она не раз видела у ребят из класса — на дне рождения или когда просто так придешь в гости... Чай выпит, сладкое — все, что полагалось, — съедено, до мультфильмов, допустим, еще минут двадцать. Ну и чего делать? Тебе говорят: «А давай я наш альбом покажу». И сидишь, переворачиваешь картонные страницы. Такое не очень уж увлекательное занятие. Но, кстати, не такое уж и скучное.

И сейчас, проведя рукой по тяжелой бархатной обложке, Таня подумала, и ей как-то удивительно стало: «Почему же я ни разу бабушку не спросила про наш собственный такой альбом?» А ведь он, оказывается, все это время лежал в темном ящике — только дверцу приоткрой, и туда сразу прольется свет.

На первой странице Таня увидела молодую бабушку, рядом с нею стояла девушка. Невольно Таня улыбнулась, глядя на них. И тогда бабушка сказала:

— Это моя дочь!
И по лицу ее поняла Таня, что бабушка сейчас жалеет о сказанном... Девушка с фотографии смотрела и серьезно и весело, словно говорила тому, кто ее снимал: «Ну, скоро ты?!» И Таня спросила:
— А у тебя еще дочери были?
— Нет, — с трудом ответила бабушка, — она была у меня единственная... Потом и ее не стало...

«Бабушкина дочь — она же должна быть моя мама», — подумала Таня. И знала: на фотографии хорошая, но совершенно незнакомая, совершенно неродная женщина.
— Баб, а у меня есть мама?
Бабушка сидела опустив глаза, словно ее кто-то пристыдил:
— Я не знаю, Танечка... Я простая женщина...
— А я, бабушк?!

Бабушка ничего не ответила, только смогла заплакать. Но не вытирала слез, и они капали на колени, покрытые байковым халатом в синий цветочек. Потом бабушка спросила, и уже ничего не надо было между ними скрывать... Не скроешь! Она спросила:

— Ты еще побудешь со мной, Таточка?
«Значит, я должна уходить?..» — так она подумала. И не знала, что себе ответить. Должна? Не должна?

Бабушка собралась с силами, вздохнула глубоко, чтоб успокоиться. «Как же я смею плакать при ней, — подумала бабушка, — о чем же я таком смею плакать!»

Впервые Таня услышала не слова человеческие, а мысли. И ей трудно было не удивиться, не ахнуть. Однако она сумела.

Страница 6 из 13

— Бабушк, пойдём «Спокойную ночь» смотреть... — Да, сейчас уж было не до альбома!

Они сидели перед телевизором. Таня — привалившись плечом к бабушкиной руке... Что-то должно было с ней случиться, что-то надвигалось на ее жизнь — огромное, чего нельзя ни изменить, ни остановить. Как нельзя остановить входящую в Москву зиму.

На чтении

Она сидела за партой и смотрела в «Родную речь». Но думала совсем не про урок. И было ей неуютно, словно душу одели в «кусачее», жаркое платье.

— Зайцева, читай дальше!

Таня вздрогнула, опустила глаза.

— Плохо, милая. Надо следить!

Учительница вообще была с нею строга. Посмотрела Тане в глаза — лицо спокойное, бледное. Теперь мало кто боится учительниц, однако второй «В» свою побаивался... У нее был сын в армии, в десантных войсках. Две недели назад во время ночных прыжков он сломал ногу. Но сейчас уже поправлялся! Он сидел у окна, не спеша ел печенье из шуршащей бумажной пачки и читал материно письмо. И нога у него не болела!

Про сломанную ногу учительница, конечно, знала. Вот и письмо ее было не в часть, а в лазарет. Но про то, что не болит, учительница знать не могла, и Таня это сказала ей. Только не словами, а... вроде бы очень ясно подумала для нее.

Учительница сперва не услышала... не поверила себе.

— Таня... Ты мне сказала что-то?

— Я? Нет! — И покраснела. Но бояться было нечего: весь класс видел, что она не вымолвила ни словечка.

— Сядь, Зайцева, работай.

А сама все думала о сыне. И верила, что нога у него не болит. Говорила себе: «У меня же сердце чует!»

Потом она вспомнила про свою строгость и решила спросить, о чем это ее ученица Зайцева думает с таким нахмуренным лбом. Ведь ясно, что не о чтении!

Таня попросила ее: «Вы мне, пожалуйста, не говорите об этом!»

Она думала о «конфискованной» у Гришки книге... Книга лежала на столе в какой-то незнакомой комнате. Сперва Тане показалось, там никого нет, только свет льется в окно да чистый воздух — в приоткрытую форточку. Свет ударяется обо все, что есть в комнате,

и брызгами, похожими на кусочки мягкого стекла, разлетается в стороны. А воздух наполняет и наполняет комнату зимней свежестью, но никак не может наполнить... Вдруг Таня разглядела на кресле маленький пушистый коврик... Пеструха! И сразу поняла, чья это комната.

Наверное, Таня могла бы узнать, что за сон снится милой собаке... Да нет же. Она пробралась сюда из-за книги... Там внутри, под обложкой, таилось что-то плохое. Только Таня никак не могла приподнять тяжелый картон... Если б страничку, она бы сумела!

Наконец Тане удалось уцепиться за край... Книга вдруг стала огромной, как разложенная двuspальная тахта, а Таня, наоборот, — не больше немецкой куклы с закрывающимися глазами...

Наконец Таня поняла: ей ни за что не поднять эту обложку-тахту. И тогда, чуть не плача от боли, Таня все же подняла ее. И обложка, кажется, даже всхлипнула, словно дверь деревенского погреба.

Сразу книга опять стала маленькой, простой. «Похождения Чичикова, или Мертвые души». Поэма Н. Гоголя, — было написано на первой странице. А рядом был нарисован Гоголь с очень внимательными бархатными глазами. А под всем этим — вот оно, плохое! — синий, чуть расплывшийся и от этого чуть жирноватый штамп: «Библиотека им. А. С. Пушкина».

И она вспомнила... По правде она этого никогда не видела, но казалось, что вспомнила...

Вадим идет по школьному коридору, а Гришка его сзади как схватит:

— Ты! Подонок! Отдай!

— А ты полай!

— Вор!

— Ну правильно. Я вор, и ты вор... Вор у вора дубинку украл.

Эта книга была не Гришкина. Но и не Вадьма! Ее украли из библиотеки.

Коля Зайцев

Долго Таня выжидала, пока бабушка уйдет в магазин. Наверное, она могла бы в мыслях наврать бабушке, будто у них, например, кончился стиральный порошок. Но стыдилась этого!

Наконец бабушка, ушла — тихо так, Таня и не заметила. Ушла, будто бы и правда уступила внучкиной просьбе. А на самом деле — заглянула: «Ах, какая умная девочка — сидит за уроками...» Таня услышала ее, лишь когда хлопнула входная дверь.

Тогда она сразу встала, открыла то отделение, где лежал бабушкин семейный альбом... Но еще не хотела так думать и сказала себе: «Наш».

Стала листать его. Думала, быстро пролистает, а не смогла. Задерживалась на каждой странице бабушкиной жизни, иногда угадывая, как звали того или иного человека — слишком уж ясно ей улыбались люди на фотографии.

Наконец нашла. Бабушка, молоденькая, в свадебном платье, в фате, а рядом с ней офицер... Таня совсем не разбиралась в погонах. Только имя его сумела услышать: Николай Николаевич, Коля Зайцев... С огромным удивлением смотрела Таня на этого человека: «Вот, значит, чья у меня фамилия!..»

Николай Николаевич смотрел с фотографии прямо на Таню, но не видел ее, потому что не знал. Он вообще ждал совсем другую внучку. И Таня больше не могла себя обманывать: она была не бабушкина. И никогда она не станет простой счастливой девочкой!

«Уходи! Уходи!»

Плача, Таня выбежала на улицу...

Страница 7 из 13

Эти дни она все думала, как поступить с книжкой, с этими «Душами». Может, просто сказать Вадиму: я все знаю? Но теперь решила совсем другое — раз не стать ей обычной, то пусть будет так!

Она остановилась посреди улицы. Про нее сейчас легко могли бы подумать, что она

самая обычная плачущая второклассница, и принялись бы жалеть. Но от перекрестка до перекрестка Таня Зайцева стояла абсолютно одна, и некому было ее утешить. Ладно! Всклипнув последний раз, она стала слушать, в какой стороне раздается невнятный говор героев, спрятавшихся под обложкой украденной книги... Услышала. И пошла в ту сторону.

Вдруг она подумала: «Может, я колдунья?..» Но не верилось ей, что колдунья — хотя бы и семи лет от роду — может не знать, где живет ее вожатый. Понимаете, есть на свете вещи, про которые, даже особенно не задумываясь, обязательно скажешь: так не бывает.

Наконец Таня вошла во двор, где звук голосов из книжки раздавался особенно ясно. Пожалуй, двор этот был Тане знаком. Она заглядывала сюда, когда ходила с ребятами за макулатурой... Подняла голову — шестой этаж. И форточка приоткрыта.

Теперь она поняла, что легко может взлететь туда. Раньше ей казалось, что обязательно нужна метелица, но теперь она поняла, что может это в любую погоду. И сказала себе: «Ну, лети!» Однако не полетела, как уже не летала много раз... «Неужели я опять забоялась?.. Нет, не в том дело». Таня чувствовала: что-то мешает ей. Оглянулась вокруг — внимательно, медленно. Вроде все свои: деревья, снег, дома... И, не раздумывая больше, решив, что она просто трусиха, Таня взлетела!.. Казалось, она это делала всю жизнь...
Главное, правильно подпрыгнуть!

Она летела, а может, лучше сказать, плыла. Так ныряльщики плывут со дна к поверхности моря.

И вдруг Таня услышала крик — он догнал ее снизу. И, не оборачиваясь, Таня знала, что это кричал, что это с огромным удивлением смотрел ей вслед Гришка.

Но уже некогда было пугаться. Таня подлетела к самой форточке, на мгновение изогнулась и вытянулась, словно облако сигаретного дыма перед вентилятором. Потом опять стала собой и тихо опустилась в той самой комнате, перед тем самым столом и перед той самой книгой, которую она уже видела однажды — когда строгая учительница прикрикнула на нее: «Зайцева, дальше!»

Лежавшая на диване Пеструха подняла голову. Хотела зевнуть, но не зевнула, решив остаться строгой. С другой стороны, она же видела, что перед ней Таня. — Ты чего сюда? — спросила собака. — Мне охранять не надо?

У Тани было такое непонятное какое-то чувство, ведь она одновременно и обманывала и не обманывала... Взяла книгу:

— На, понюхай. Это не его.

— И не твоя!

— А я отнесу куда надо... Что ж, ты мне не веришь?

Тут они услышали шум внизу... Таня, пока объяснялась с Пеструхой, забыла про Гришку, про двор, про то, как ей отсюда выходить. Но сейчас, и очень быстро, она все вспомнила. Со страхом глянула в окно, чуть тронув головой занавеску. Двое мальчишек дрались, а еще трое смотрели, как это обычно бывает. Один был высокий, уверенный, и дрался он несерьезно. А другой был так себе, что называется шплинт, и он старался, как на первенстве мира по боксу.

Это дрались Гришка и Вадим. Гришка дрался и кричал: «Уходи! Уходи!» А Вадим как будто не слышал его. Он отмахивался, чуть не смеясь: «Да сам ты уходи, дубина!»

Но пока Вадим это говорил, Гришка изловчился, стукнул его по глазу. Таня, хотя и не дралась никогда, сразу почувствовала, как больно сейчас Вадиму. С этой секунды он тоже стал драться по-настоящему — чтобы избить. Раз, два, три! И Гришке уже ничего не оставалось — только закрыть лицо скрещенными руками. Лишь иногда он опускал руки, чтобы крикнуть: «Уходи!» А Вадим ловил момент и успевал стукнуть его — то в нос, то по скуле.

«Господи, что же я молчу?!» — догадалась наконец Таня. И крикнула:

— Я ушла!

Гришка сразу упал на истоптанный снег. Вадим замахнулся ударить его ногой, но не ударил, плюнул презрительно прямо на одетую в пальто Гришкину спину и пошел к своему подъезду.

Тотчас Таня бросилась к выходу... Во второй комнате на стуле небрежно висела знакомая ей красная куртка. Когда-то, в начале первого класса, они ходили на экскурсию в лес, и Вадим был с ними... в этой куртке... Он так интересно рассказывал про птиц и про деревья — кто из них кого любит, а кого недолюбливает. У куртки неловко завернулись

рукава, и было ясно, что ей больно. Какое-то время Таня помогала ей. Потом еще сколько-то провозилась у входной двери. Наконец открыла защелку — снизу уже подползал лифт.

И тогда она бросилась по лестнице. Притаилась на следующей площадке и, стараясь не дышать, слушала, как громко и сердито дышит Вадим...
Только вышла из парадного...
— Эй!

Она стояла совсем беззащитная, прижимая книжку к груди.
— Да не буду я отнимать! — Гришка попробовал усмехнуться. (Но когда губы разбиты, это получается довольно-таки плохо.) — Бери ее себе.

От волнения и страха Таня ничего не могла ответить. Только сумела помотать головой.
— Кончай... Знаешь, сколько она стоит?!

Таня опять ничего ему не сказала. Прошла мимо, уже не опасаясь, что он вырвет книгу.
Страница 8 из 13

Будущий полярный летчик

Пасмурный ноябрьский денек стоял в ожидании вечера. Огромная церковь впереди, как говорят, самая большая в Москве, бледно светилась сквозь хмурь синим, белым и золотым. А за церковью, еще немного пройдешь, — высокая ограда, и там в глубине, среди деревьев, стоит двухэтажный дом — старинный, с большими старинными окнами, со старинным балконом, сделанным из черных чугунных кружев. И название у дома старинное: особняк. В нем как раз и есть библиотека имени Пушкина.

Перед тяжелой железной калиткой Таня остановилась.
— Ладно, хватит тебе, — сказал Гришка. — Не ходи!

Она снова ему не ответила. Стояла и смотрела на дом, который ей очень нравился своей старинной красотой. Только было видно, что он очень устал. Но если б ему сделали ремонт, он бы сразу вздохнул с облегчением, смог бы отдыхать по ночам, а не стоять, сжавшись из последних сил, как ему приходилось теперь.

«Жалко, что я здесь никогда не бывала», — подумала Таня. И вдруг — словно совсем ни с того ни с сего: «Жалко, что я здесь никогда больше не буду!»

Сразу сердце у нее заболело. Так, наверное, болит у бабушки, когда в квартире начинает пахнуть валокордином. И Таня крикнула себе: «Нет, буду, нет, буду!» — тоже вроде лскарства. И скорее пошла к дому, в то же время стараясь поздороваться с каждым деревом. Сзади она слышала Гришкины торопливые и нерешительные шаги: боялся. А все-таки шел!

Таня вбежала на крыльцо, быстро оглянулась:
— Дальше не ходи.

Открыла дверь — тяжелую, на упрямой пружине. Но стоило с нею потягаться: перед Таней была прямая белая лестница. И в конце ее, наверху, как вельможа или даже как сам царь, стояло неподвижно огромное, с полу до потолка, ясное зеркало в черной раме. Хотелось пройти эту лестницу не спеша, словно ты — Снежная Королева... От этой мысли Таня почему-то вздрогнула и через ступеньку помчалась по лестнице — как в школе, когда опаздываешь из буфета на урок.

Так она и влетела в читальный зал, лишь тенью мелькнув в прекрасном зеркале. И сразу оказалась перед деревянным барьерчиком, за которым стояла женщина с тонкими накрашенными губами и взглядом, который как примагнитится к тебе, так не вырвешься.

И . еще было понятно, что она курит.
— Я нашла книгу. — Таня положила «Мертвые души» на конторку.

Женщина хотела сказать, что сюда не входят в верхней одежде... Да и ноги, наверное, эта девочка забыла выте... Но увидела книгу!

— Где же ты нашла ее?!

«А зачем ей — где?» И ответила:
— В сквере, там, возле церкви.

Женщина нервно и бережно полистала книгу. А взглядом ни на миг не отпускала Танины глаза.
— Видишь ли... Тут нет следов ни дождя, ни снега.

— Значит, я вам не скажу! — Тане стало нестерпимо жарко. Она скорее стянула шапку, расстегнула пальто.

— Так, может, это ты ее... отсюда потеряла?

— Я здесь первый раз! — И вдруг добавила: — А больше никогда не приду!

— Интересно... Книги, что ли, не любишь?

Нет, она любила, именно любила, книги, и библиотеку эту, и людей на улице, и машины, и всю Москву, и всю жизнь.

— Что же ты молчишь?

— Я уезжаю.

— Далеко?

— Я не могу вам сказать... Я, вернее, не знаю.

— Странная ты девочка. Только не гордись этим. «Странная» еще не значит «хорошая»... Теперь ты мне должна сказать; кто? — Она постучала ногтем по кожаному переплету «Мертвых душ».

— Зачем же я вам скажу?

— Затем, что он снова может украсть.

— Не украдет!

В последний раз Таня услышала отголосок разговора, который тихо выползал из нечитанной ею книги. Потом она вновь мелькнула мимо зеркала, сбежала по лестнице, по которой надо ходить медленно. Навалилась на дверь... Гришка ждал ее, стоя под крыльцом, как часовой.

«Хотя бы побуду немного в этом саду», — подумала Таня. Направо от главной дорожки шла еще одна, узенькая. Она остановилась у припорошенной снегом клумбы, посреди которой торчали забытые почерневшие цветы и просвечивала замороженная трава. «Еще оживеешь», — подумала о ней Таня и села на лавочку, покрытую снежной бумагой. Гришка стоял напротив нее.

— Нужно, чтобы я все тебе рассказала?

— Нет! — Он так замотал головой, как будто правда этого не хотел.

— А что?

— Ничего... просто... Давай я тебя буду встречать после школы?

«Я хочу, чтобы Вадим...» Но сказала:

— Зачем?

— Ты что? Глупая? — Он в первый раз улыбнулся спокойно. И губы его то ли заморозились, то ли просто перестали болеть.

— А потом что? — спросила Таня. — Жениться, да?

Он что-то стал говорить — такое, совсем не интересное: «Ну ты даешь! Полный обвал...»

А Таня увидела этого Гришку взрослым. Ему говорят:

«Ты бы, Григорий Иванович... Совсем-то с ума не сходи! Тебе, брат, ведь уже тридцать пять квакнуло...»

А он отвечает: «Найду, понятно вам? Все равно я ее найду!»

И потом его бесшумный вертолет скользит, едва не задевая лапами зеленые ледяные верхушки. А Таня, спрятавшись за торосом, смотрит, как он летит и кружит — сперва где-то рядом, а потом улетает, улетает...

Убийца

Страница 9 из 13

Она снимала в прихожей сапоги, когда бабушка выглянула из кухни. Лицо такое, что... будь готовой ко всему! Но жизнь не угадаешь. И в этом Таня убедилась уже через секунду.

— Тебе мальчик звонил!

Нет, жизнь ни за что не угадаешь. Она как ноты: «до»... А потом ни с того ни с сего — «соль»! А дальше опять «до», а дальше «ми», «фа»!.. И ты стоишь, плечами пожимая; это все зачем?.. А получается мелодия.

Только сейчас, увы, получалась мелодия, от которой Тане приходилось краснеть.

— И... и чего, баб?

— Да рановато, милая! — Она вроде шутила, а вроде и нет.

Тут и зазвонил телефон.

— Тебя! — И бабушка ушла на кухню. Чувствуя сквозь колготки бугры и щербины родного пола, Таня побежала в большую комнату:

— Але...

— Я понял: это ты украла! — крикнул Вадим. И Таня легко увидела его в съехавшей на бок шапке, с черным синяком под глазом. Стоял и царапал ключом стену телефонной будки.

— Во-первых, я отдала ее в библиотеку! Это был хороший ответ. Кое-кого мог бы поучить вести себя!

— Дура! Никогда не суйся в чужие дела! Усвоила, нет, что ты дура набитая?.. Только не клади трубку, а то не узнаешь самого интересного.

— Спасибо большое. Я уже, честное слово, все узнала! — Это она хотела сказать с презрением. Да, к сожалению, не всем оно удается. И получилась только обида. Но Вадиму-то было плевать на ее голос. Он мчался, как метеорит по небу, и весь горел на лету:

— Знаешь, кто ты на самом деле? Убийца!

Существуют слова до ужаса от тебя далекие. Скажем, «водолаз». Мечтай не мечтай, все равно водолазом не станешь и никто водолазом никогда тебя не назовет. Или там купец. Тоже ведь невозможно себя представить купчиной или... купчихой... И это вот мерзкое слово тоже было неприменимо к Тане — так ей казалось всегда... Нет, не казалось — это было наверняка! Теперь вдруг ее назвали *убийцей*.

— Я сейчас приду, — она прошептала. И почувствовала, что какие-то особенно холодные слезы ползут по ее щекам.

Бабушка все оставалась на кухне, поэтому Тане ничего не надо было объяснять, она просто выбежала на улицу... И остановилась, опомнилась: в одном платье, на ногах только колготы... Дело не в холоде, а в том, как сразу все удивятся, испугаются. Хорошо, что кругом никого! Легонько подпрыгнула... Трудно ли ей было долететь до родного окошка... Но еще на лету жуткий испуг схватил ее: «А вдруг бабушка...»

Тут она и вошла!

— Таня?.. Ты что на подоконнике делаешь?

— Я... бабушк... форточку хотела прикрыть. Дует чего-то...

— А что колготки в снегу? — Тут увидела растерянное Танино лицо: — Ну, ничего, ничего... Просто не делай так больше.

Вадим и его дочь

Вадим стоял в будке около кино «Спартак»: шапка, съехавшая на ухо, фингал под левым глазом — в общем, все точно. Только про пальто она забыла — две пуговицы расстегнуты, а две другие вырваны с мясом... И к этому «летчику» она бы вышла из-за тороса и помахала б рукой — пусть он ее увидит.

Но знала: Вадим не станет полярником, а главное — никогда не будет ее искать... Тане представился денек, отделенный от этого дня многими и многими годами. Вадим идет с дочерью. Наверное, из детского сада. Так же вечернее солнышко досвечивает, как сейчас, и метель, тоже как сейчас, крутит не торопясь, подсыпает под ноги снежку. И Таня — невидимая, неслышимая — бежит им навстречу: «Это я! Это я!» Но не может докричаться, не может попасться им на глаза... Так иногда бывает во сне, и, может, Таня просто вспоминает сейчас сон?..

Вадим по-прежнему ведет за руку свою дочь.

«Пап, — она говорит, — смотри, как снег красиво переливается!» — И показывает прямо на Таню.

«Где снег? — говорит Вадим. Он и дочку-то свою не замечает, он все думает, думает. — Переливается?.. А, верно...»

Вадим увидел быстро шагающую к нему Таню:

— Слушай, как ты меня нашла? — Но спросил это без радости, без удивления, а просто как ученый, который оторвался от микроскопа: мол, во, надо же, новая бактерия появилась! Посмотрел на Таню, задумчиво изучая — правда, как на бактерию: — Ну, отвечай!

Таня подумала наврать. Причем что-то нескладное, длинное: якобы Гришка всегда звонит ей из этого автомата... Она просто пожала плечами.

Вадим прищурился, закусил губу, так стоял некоторое время.

— Я не собираюсь узнавать, как ты залезла ко мне в квартиру и как ты своим рассказом усыпила Гриху-дурака. И как ты меня нашла... Мне чихать на это! Поняла? Я не собираюсь тобой восхищаться. Кто ты и как ты — да будь кем хочешь. Я с вами в эти игры про сказки не играю.

— Ну и не играй, — пролепетала она. — Тебя не заставляют...

— Помолчи! И послушай... Сумела мне все испортить, сумей поправить... Хотя фокусы индийские показывай, а мне нужно, чтобы она осталась жива.

Таня, стоявшая до этого с опущенной головой, быстро глянула на Вадима:

— А?!

— Ворона-кума!

История совы

История совы?.. Да, так правильно будет назвать эту главу. История совы началась на Птичьем рынке в Москве. Его не стоит здесь описывать. Его уже описывали не раз. Скажем лишь, что он огромен, что зверей тут, наверное, больше, чем в зоопарке. И даже говорят, там задумчиво бродит человек с медведем на ремне. У него спрашивают: «Э, мужик, вы чего? Медведя продаете?» — «Ищу, — отвечает, — того парня, который мне год назад его за хомячонка подсунул».

Страница 10 из 13

Вадим бывал на Птичьем каждое воскресенье. Покупать не покупал. Но смотреть-то можно и задаром — правда? И вот однажды его остановил разговор:

— Она почему у тебя белая-то вся?

— Белая?.. Окрас такой!

Вадим обернулся. Мужчина, несмотря на очень позднюю, почти что «зимнюю» осень, одетый всего лишь в легкий плащ, из-под которого виднелась красная от мороза голая грудь, продавал красивую и крупную носатую птицу, сидевшую в тесноватой, петушиной какой-то, канареечной; клетке. Рядом стоял покупатель и, как водится, хаял «товар», сбивая цену:

— Седая какая-то... Она у тебя что, старая? Или несчастная? — И засмеялся.

Такому человеку не то что сову — таракана, холерного микроба не надо продавать. У него была физиономия мальчишки-мучителя. Хотя он уже был парнем лет пятнадцати с соответствующей стрижкой и при рокерской куртке.

— Это полярная сова, — ответил продавец спокойно и даже чуть сурово. — Потому что я — полярник.

Парень оглядел продавца с ног до головы... Продавец, конечно, не был полярником. И дело тут не в подозрительном плаще, а во всем его нечестном виде. И сову, вернее всего, он стащил у кого-нибудь.

Продавец и покупатель еще постояли друг против друга какое-то время, а сова словно совсем безучастно ждала, чем это кончится. Наконец они сторговались, будто речь шла не о живой птице, а о дигейковой шапке. Покупателю хотелось получить сову, а продавцу поскорей от нее избавиться.

— Ну ж на что она тебе? — спросил продавец, который наконец-то мог не расхваливать сову на все лады.

— Чучело сделаю! — засмеялся покупатель. — Неужели кормить ее!

На что продавец был равнодушным человеком, но и он, казалось, испугался... Затоптался на грязном снегу, полез в карман. Но, видно, очень уж не хотелось ему возвращать деньги. И, засмеявшись опять, покупатель пошел прочь. А Вадим крадучись пошел следом; он-то испугался по-настоящему! А сова сидела в тесной клетке, ничего не подозревая, и только крылья ее, наверное, затекли, как затекают у человека руки, связанные веревкой.

Потом Вадим догнал этого парня, покупателя, которого фамилия, как потом выяснилось, была Прибылов... Он догнал Прибылова и спросил как бы небрежно: правда ли тот собирается делать чучело? Если да, то он, Вадим, мог бы посоветовать

первоклассного

чучельника.

Прибылов был человек безобидный, но когда где-то слышался запах выгоды, он ее первый как раз и чувствовал! Денька два Прибылов поскучал в ожидании чучельника, потом еще денька два слушал рассказы Вадима, что, мол, у полярных сов сейчас начинается линька и данная птица должна стать нежно-синей с лазоревой окантовкой... Дверца при этом была надежно заперта на всякий замок, а сама клетка цепью прикована к батарее.

Еще через денек Прибылов сказал — словно бы просто с неба: — Продавать не буду, а поменяться могу!

Вадим понял, что играть в прятки тут больше нечего, и они приступили к переговорам.

Странно, конечно, было, что здоровый пятнадцатилетний дядя что-то будет требовать с простого шестиклассника. Но дело в том, что Прибылов безошибочно чувствовал, где можно что-то ценное вытребовать, а где — нет. Поэтому он бы и с грудного младенца тянул, если б знал, что дело выгорит.

И он сказал, что за сову ему нужна книжечка, прижизненное издание какого-нибудь классика.

— Что такое «прижизненное»? — спросила Таня.

— Ну вот смотри: Пушкина или Гоголя сколько хочешь книг — и у тебя есть, и у меня, и у всех. Но это новые книжки. А Прибылову нужно старую — чтобы она еще при жизни вышла того, кто ее сочинил.

— А зачем?

— Ну, ценится у этих, у коллекционеров... Дорого стоит!

Оказывается, Прибылов собирал книги: ему «умные люди» объяснили, что книги никогда не подешевеют, а будут только дорожать. Не простые, конечно, а старинные. А чучело совы он хотел посадить наверх, на книжные полки. Потому что сова в старые времена обозначала мудрость.

У Вадима план был уже готов. Он пошел к Гришке: «Хочешь денег заработать?» А Гришка ведь сам не знает, чего он точно хочет. Но «денег заработать» — теперь считается, что это хотеть хорошо. Гришка и говорит, дурачок: «Хочу! Конечно!»

Тогда Вадим отвел его в читальню Пушкинской библиотеки... А там много лет работала Вадимова тетя — пока не умерла. «Вот шкаф, — говорит, — вот вторая полка, вот эти две книги. Хватай любую... А вот ключ от шкафа».

Там буквально ничего не изменилось с тех пор, как тети не стало... А что там, собственно, может измениться!

Гришка взял газету «Советский спорт», сел за столик и принялся якобы читать, а Вадим стал звонить из автомата якобы взволнованным голосом: «Татьяна Михайловна, ай...», «Татьяна Михайловна, ой...» А библиотекариши, они, в общем-то, никогда ничего плохого не подозревают. Хотя их и обманывают довольно-таки часто! И пока она кричала в трубку, мол, кто там да что случилось, Гришка вытащил одну из приказанных ему книг — да и был таков!

— А что ж ты сам не украл? — спросила Таня. Но не потому, что интересовалась, а потому, что хотела, пусть и немного, отомстить Вадиму.

По сей ехидный вопрос совсем на него не подействовал.

Страница 11 из 13

— Не украл почему? Да потому! Надо, чтоб у меня рука осталась чистая. Иначе я лечить не смогу.

И он рассказал, что великий Пирогов будто бы говорил: врачом может быть лишь человек, никогда ничего не укравший.

— А как же ты — у Гришки?!

Вадим небрежно махнул рукой:

— Не считается. Это же я просто жулика наказал!

Тут Таня опомнилась: совсем не время сейчас препираться, ставить Вадима к стенке всевозможными ловкими приемами.

— Послушай, а зачем обязательно воровать-то? Я у бабушки денег попрошу!

— «Денег»! Да он, если ее чучелом продаст, столько получит — твоя бабка в жизни не отстегнет!

Таня остановилась перед этой фразой, как перед колючей проволокой. Вот как! Сова была жива, и это мешало ей стать «по-настоящему дорогой»!

Прощайте!

Она была одна в своей комнате. Говорила себе: «Ну, давай думай. Устроила беду — теперь думай!» Но другой голос в это же время отвечал: «Я же поступила честно, а раз честно, значит, правильно». — «Правильно? А сову за твою честность убьют». Вот как бывает!

Надо было сову спасать. Прибылов сказал: «Через двое суток сове — секир-башка». Вадим: «Врет он, не сделает, ему же надо выкуп получать». А вдруг сделает?

Таня попробовала представить, как идет к Прибылову, как открывает дверь... И вдруг поняла, что не сможет ее открыть. Тогда она представила, что выходит во двор прибыловского дома, чтобы подпрыгнуть и... тоже не смогла. Она поняла, что не сможет проникнуть. Поняла, что никогда не увидит сову! «Разучилась я, что ли?.. Значит, я стала как все?» Но знала: никогда не стать ей просто девочкой!

Из-под двери, из большой комнаты, где была сейчас бабушка, к Тане ползло беспокойство. Тихо она выглянула в бабушкину комнату. У них комнаты смежные: только выгляни — вот тебе и бабушка. Тане это всегда очень нравилось... А говорят, что смежные комнаты не ценятся. Ерунда какая-то!

Бабушка отчего-то волновалась — сама не могла понять отчего. То схватится за вязание, то бросит и подойдет к окну. Невольно Таня подумала: «Как Гришка!» И тут же услышала бабушкины мысли. Они были какие-то вообще не бабушкины. Они метались, словно стаи птиц по московскому небу, когда во время праздников их гоняют лучи прожекторов. Бабушке все казалось, что куда-то ей надо пойти. Она даже надела платье и шапку, но стояла посреди комнаты в растерянности.

— Да ты куда, ба? — напряженно спросила Таня.

Бабушка наконец заметила ее:

— Никуда... Просто масла подсолнечного купить.

— Есть ведь у нас.

— Ну так это... словом... — Она не знала, что сказать, и мучилась.

Таня пробовала ей помочь:

— Муки, бабушк, муки, да?

— Нет. И мука у нас есть... — сказала бабушка растерянно. Она тоже чувствовала, что будто бы сама себя выгоняет зачем-то из дому. — Знаешь, просто я пройдусь. Мне что-то пройтись захотелось...

Ушла... И тут неожиданно Таня придумала, как ей спасти сову. Казалось, кто-то нарочно отвлекал ее от бабушки, так странно ушедшей.

А придумалось вот что. Сперва Таня легко и ясно представила себе деньги, которые потерялись за эти дни, пока шел снег. Под снегом ведь много чего теряется, деньги в том числе. А потом, когда наступают март и апрель, это все вытаивает и многое находится. Но теперь Таня поняла, что и за эти несколько первых дней тоже много потерялось! Сейчас она как бы летела по улицам и легко видела, как под снегом лежат оброненные копейки. Таня еще немного постаралась, и вот монеты стронулись с места и поползли! Но под снегом, а значит, все так же невидимо.

Таня едва успела распахнуть форточку — в окно к ней стали влетать пятаки, гривенники, пятиалтынные, то есть монетки в пятнадцать копеек, и алтушки, то есть монетки по три копейки, а то и двугривенные, а то и полтинники!

Таня, став на колени, собирала их, складывала в мешок из-под сменной обуви. Мешок быстро наполнялся, и Тане тяжело было возить его за собой по полу. «А куда я их потом высыплю? — она подумала. — А никуда. Мне же этот мешок больше не понадобится». И остановилась, удивленная: «Как не понадобится?..» Медленно, по монетке высыпала в мешок горсть мелочи... «Откуда у меня взялась эта мысль?»

Когда мешок был полон, она стала ссыпать деньги в свою шапку. И опять неизвестно откуда подумалось: «Сыпь, не понадобится!» И опять стало не по себе... Но почему не понадобится?!

Словно в ответ ей зазвонил телефон. Звонок был, кажется, совсем обычный. Но Тане услышались в нем ветер и вьюга. И стук оленьих копыт по твердому насту. Хотя она никогда не слышала оленьего топа. И еще много было всего в этом простом звонке. Со страхом, с радостью Таня подняла трубку:

— Але!

И сразу поняла, что это дед. Ее родной дед!

— Я иду к тебе! — сказал он спокойно и властно. — Отворяй!

Секунды не медля, Таня побежала в прихожую. На вешалке увидела свое зимнее пальто... Не понадобится теперь... Настежь открыла дверь. Поняла: двери недостаточно для ее грозного и доброго деда. Бегом вернулась в свою комнату, распахнула окно, и тогда он явился.

Налетела метель, всю обсыпав Таню чистейшим, невесомым снегом. Тотчас сугробы выросли по углам, на диванчике, где сидели Танины куклы, в секунду остудили жаркую батарею. Что-то менялось у Тани в душе, будто б она все это видела не раз, будто она привыкла к тому, что на кровати вместо перины и одеяла лежит гора снежинок.

Страница 12 из 13

Тут дед и обнял ее — огромный, с огромной седою бородой. Его объятия были не холодны и не жарки. Они были просто родные, и Таня знала, что никогда не сможет послушаться деда... Он сказал:

— Ну, пора.

Однако Таня не могла уйти. Она не могла послушаться деда, но и уйти она не могла. Ей страшно было испугать бабушку этими сугробами и паутиной инея у потолка. Дед понял ее. Он лишь повел плечом — явился ветер. Таня впервые видела его за такой аккуратной работой. Буквально по снежиночке он вынес сугробы в раскрытое окно. Причем не обронил их на землю, а утащил куда-то на небеса — может, обратно в тучу, из которой они просыпались.

И тогда на полу открылись мешок для сменной обуви и Танина зимняя шапка. Невольно Таня наклонилась к ним, с превеликим трудом подняла и теперь стояла перед ледом с оттянутыми вниз руками.

— Что это? — спросил дед грозно и с испугом. — Брось! Это гадость!

Но Таня покачала головой, ухнула мешок и шапку на стол. Теперь ей надо было написать записку. Она оглянулась в поисках какого-нибудь клочка. Ветер, который все еще был здесь, сейчас же угадал ее желание. Схватил тетрадку по русскому языку, взерошил и перелистал страницы, а потом быстро вырвал листок и, красиво кувырнув его в воздухе, положил перед Таней.

И Таня поняла, что может, что должна отдавать приказания этому ветру, метели, холоду, снежным тучам на небесах... Но сейчас ей нужна была одна человеческая вещь — хотя и простая, однако абсолютно неподвластная ее могучим слугам и даже ее могущественному деду. Тане нужна была школьная шариковая ручка.

Вдруг на короткое мгновение наступил ужасающий мороз. У тополя, что рос внизу, под окном, с выстрелом отломилась ветка. Сейчас же ее подхватила метель, внесла в Танину комнату. Коряво ветка поползла по тетрадному листку. Ветер старался как мог — ему приходилось угадывать Танины мысли, такие трудные даже для самого умного и ледяного ветра.

Веточка плясала над листом, пачкая его своей замерзшей кровью, корой и смолою. Получались буквы и слова: «Бабушка! Это Вадиму на полярную сову». И больше веточка не смогла станцевать ни слова. Ветер немедленно вышвырнул ее в окно — всю промерзшую до костей, истертую, искривленную. Но некому и некогда было думать о ее грустной судьбе.

Дед положил Тане руку на плечо. Они посмотрели друг на друга. Взгляд этот был, наверное, еще короче, чем тот ледяной удар, который сумел оторвать ветку от родного тополя. Но Таня слышала все, что должна была услышать.

Ее жизнь среди людей кончалась навсегда. Ее полюбили здесь. И она полюбила. Ее обидели здесь. Но и она оставила после себя беду...

— Дед! А сову спасут?

Он не ответил ей, как будто не слышал.

Теперь, уж она никогда не будет равнодушной к людям. Тут Таня вспомнила тех, на льдине, полярников, которых она боялась. Потом пронесли лица всех, с кем она познакомилась, в школе, на их улице, во дворе. Кого видела по телевизору...

— Я хочу остаться с ними, дед!

Нельзя. И как только кончится это мгновение, все, кто знал, кто когда-нибудь видел Таню Зайцеву, забудут о ней.

У тебя, бывшая Таня, судьба другая и другая роль. И другая жизнь — почти что бессмертная... А впрочем, не стоит загадывать.

— Но я хочу, дед! Последнее желание: пусть бабушка меня помнит. Никто не помнит пусть, а бабушка пусть помнит!

— Нельзя!

— Можно!

Что-то изменилось в его лице: дед не решился с нею спорить!

— Да, можно, хорошо! — Он снял руку с ее плеча. — А теперь уходим!

Коротким невидимым огнем вспыхнул в комнате ветер, вздрогнул лист с корявыми, непонятно как написанными буквами. И все, и пусто. И — надо же, как бывает! — метель, что разыгралась на улице, словно балуясь, плотно прихлопнула распахнутые неведомо кем створки окна.

Комната стала потихоньку наполняться теплом.

До самой смерти

Ведь это не бывает, чтобы все вдруг сразу забыли одного человека. Но так случилось: словно бы звучала в душе какая-то песенка — и нет ее!

Учительница получила от сына письмо. Сын писал, что поправляется, что нога срослась хорошо и костыли ему скоро не понадобятся... Тут учительница вдруг сказала себе: «Все, как она мне обещала...» Она? Какая «она»? Поглядела на улыбающуюся фотографию сына. Потом зачем-то взяла классный журнал. Она сидела в учительской, и совершенно одна.

Открыла страницу, стала читать имена своих учеников: Артемов Женя, Бахтина Алла, Беляев Володя, Васильева Гуля, Викторov Боря, Ельчина Лида, Журавлева Люда, Заславский Игорь, Иванова Галя... Бред, конечно, но все же на «3» была еще одна фамилия. Заславский и... Сколько у меня в классе народу? Тридцать три?.. В журнале их было тридцать два!

Она посмотрела страницу на свет: она была опытная учительница и легко заметила бы любую, даже самую искусную подтирку. Но бумага везде была одинаковая, довольно плохая, на просвет грубо-волокнистая — как у всех журналов. И быстро учительница положила его на стол: не дай-то бог, зайдут и увидят... Вряд ли она смогла бы это объяснить как-то вразумительно. Больше учительница ни разу не вспомнила про тридцать третьего своего ученика.

Страница 13 из 13

Вадим нетерпеливо встал, прошелся по комнате — так делал какой-то разведчик из телеспектакля... Надо Таньке позво... Потом внутри у него вспыхнуло и погасло. Что такое? Вадим увидел себя в своей комнате. Он все отлично помнил, он никогда не чувствовал себя так хорошо. Пеструха глядела на него с дивана, ожидая, что, может быть, он предложит ей прогуляться...

«Вроде бы я кому-то собирался звонить?.. Сова — вот в чем дело, сова! Двое суток осталось! В конце концов можно просто пойти в зоопарк: они же покупают животных...» Но не хотелось, чтобы сову из одной клетки пересадили в другую. И он стал думать-думать про сову. «Стой! Ведь я что-то забыл!» Но и эта мысль сразу забылась...

Гришка отчетливо видел девочку, летящую к окну шестого этажа. Только зачем она летит, Гришка вспомнить не мог... «А, ну это же мне снилось, — он подумал, — это же сон». И тогда ему явился еще один — про ту же девочку: как она едет среди торосов на огромнейшем медведе. Сперва подумала, это диван, а потом видит — нет, медведь! И сказал себе: «Я найду ее!.. Ты рехнулся, да? Найдешь? Это же был сон. Не важно! Все равно я стану полярным летчиком. Буду там летать и найду». Но никому, конечно, ничего он сказать не мог о своем решении. «Тебя ведь сразу за шизика сочтут, скажут: «Нанюхался клопомора — так и говори...»

Бабушка вдруг заметила, что по глупой задумчивости своей она уехала бог знает куда — на другой конец Москвы. Двери вагона с шипением раздвинулись, бабушка вышла на станции «Измайловский парк».

У московского метро много красивых станций, а такая все же единственная. У нее платформа на улице, и с одной стороны ничего особенного — просто улица, довольно

обычная, какие часто бывают на окраине. Зато с другой — чистейший и белый березовый лес!

Бабушка здесь давно не бывала — лет пять или больше. Теперь она с какой-то непонятной грустью и тревогой глядела на эту простую красоту... «Ну понятно: мне же надо Танечке позвонить. Умчалась неизвестно зачем, а девочка там одна...»

Бабушка подошла к автомату, и вдруг он зазвонил. Невольно бабушка сняла трубку и невольно произнесла свое обычное:

— Слушаю.

Трубка сказала:

— Это говорит ее дед!

Есть такое выражение: потемнело в глазах. Бабушка, по правде говоря, не верила в него. Но сейчас она увидела серый снег и почти черные березы — будто смотрела через закопченное стекло.

Когда бабушка была маленькая, она через такое стекло однажды смотрела на солнечное затмение... Это ей все вспомнилось так быстро, как, поскользнувшись, люди падают навзничь...

Она поняла все... И не надо было ей задавать этого вопроса! Но не смогла себя удержать:

— Я больше ее не увижу? (Да и к чему ей теперь было удерживаться? К чему ей теперь нужна была эта гордость!) Я не увижу ее?

Он не ответил... Но ведь он зачем-то позвонил?

«А! Чтобы я не бегала по милициям. Но ведь мог... чтобы просто я все забыла!»

Ей стало страшно.

— А вы, извините... вы колдун?

— В каком-то смысле, — ответил он. (И, показалось бабушке, растерянно.)

— Тогда, прошу вас, оставьте мне память!

— Оставлено, — ответил он, помолчав, словно думал, признаваться ему в чем-то или не признаваться. — Вам оставлено...

И бабушка догадалась, кто это сделал. И заплакала.

— Вы знаете, кто у вас жил? — спросил дед бывшей Тани. — У вас жила Снегурочка.

Бабушка кивнула, не в силах ответить и вытирая рукой слезы. «Вот, значит, как ее звали, Танечку мою...»

— Вы заслуживаете награды!

Опять она не могла ответить, лишь покачала головой. И наверное, Дед Мороз увидел это.

— Прошу вас: никогда, никому!

И бабушка ответила:

— До самой смерти!

Эпилог

На том обрывается история про бывшую Таню. Больше мне ничего не известно... Впрочем, одно: маленькая повелительница праздничного холода так никогда и не узнает, удалось спасти ту полярную сову или нет. Ни разу не смогла она заглянуть в окно человека по фамилии Прибылов. А полярные совы — единственные из всего, что есть на свете, — не понимают ее слов. И может быть, поэтому — замечали, наверное? — новогодний праздник, такой веселый как будто, все-таки немного грустный... Мы говорим: торжественный. Но торжественность тут ни при чем!

Кто-то подумает: «Господи, да неужели из-за одной совы?..» Но кто действительно так подумал, тому не стоит читать мои книги!

А бабушка часто думала: «Как же я не догадалась, как же у меня ни одной ее фотокарточки нет?» А потом: «Да разве я так ее не помню!»

Ни разу не было ей ни письма, ни открытки, ни птичьего перышка. Лишь одно. Когда в середине ноября объявят в прогнозе погоды, что наконец нынче ночью в Москве вместо мороси местами выпадет снег, знает бабушка: ее чисто выметенный балкон будет поутру белым, как зимняя лесная поляна.

— Спасибо тебе!

И если подует ветер, то можно услышать, будто бы кто-то ответит:
– Пожалуйста. Один раз в году.

Конец

Книга закончилась. Надеемся, Вы провели время с удовольствием!

Поделитесь, пожалуйста, своими впечатлениями: